

18+

МАКС ИВАНОВ

КАЛЕВАЛИНГ

Макс Иванов

Калевалинг

«Издательские решения»

Иванов М.

Калевалинг / М. Иванов — «Издательские решения»,

«Калевалинг» — научно-популярное исследование, приглашающее взглянуть на карело-финский эпос «Калевала» как на источник знаний о прошлом. Возможно, за знакомыми образами — старухой Лоухи, мельницей Сампо, трагедией Куллерво — скрываются отголоски реальных событий. Книга соединяет данные археологии, генетики и лингвистики, чтобы предложить свежий взгляд на раннюю историю Восточной Европы. Живой язык и обилие иллюстраций делают книгу доступной и интересной для всех, кто любит историю и мифологию.

© Иванов М.

© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Вяйнёла на заре времён	7
Дьяковцы	14
Воскрешение Лемминкяйнена	24
Скифы и амазонки на страницах «Калевалы»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Калевалинг

Макс Иванов

© Макс Иванов, 2026

ISBN 978-5-0071-1395-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

«Калевала» могла быть создана ещё до того, как соответствующие народности заняли нынешнюю заселённую ими территорию. В карело-финском эпосе нет государства, но это не значит, что в нём не отражена история... Здесь кроется заманчивая задача для исследователя.

В. Я. Пропп. «Калевала в свете фольклора»

Прямо сейчас передо мной лежит «Калевала» в переводе Бельского — издание 1956 года. Книга осталась ещё от деда. Открывается она вступительной статьёй Отто Куусинена. На пожелтевших страницах — самый глубокий анализ эпоса из всех, что я знаю. Но он безнадежно устарел. С момента публикации появились новые данные в истории, генетике, археологии — всего того, чего Куусинен не мог знать.

Перечитав очередной опус о культуре карел и «Калевале», я понял: осовремененной статьи Куусинена я не дожусь. Придётся садиться за перо самому. Сначала это вылилось в серию заметок в блоге. Довольно быстро стало ясно: тема шире, чем казалось и парой статей не обойдётся.

Постепенно идея — осовременить вводную статью к «Калевале» — переросла в другую: взглянуть на исторический процесс глазами финно-угорских народов. Так родилась эта книга.

Я опирался на статьи, монографии, труды профессиональных учёных — историков, генетиков, археологов. Всё, что написано ниже, — это не открытие новых фактов, а их новая сборка. По отдельности они знакомы каждому археологу или генетику. Вместе они складываются в картину, который я не встречал ни в одной книге. Возможно, вы не согласитесь с выводами. Но вы точно не останетесь равнодушными.

Отнеситесь к этой книге как к детективу или захватывающей гипотезе. Я не претендую на полноту и окончательную достоверность. По образованию я аналитик, и системный анализ — не только профессия, но и способ мышления. В истории я любитель, и благодаря этому могу позволить себе отойти от академических догм и найти что-то новое. В книге наверняка найдутся недостатки, на которые укажут профессионалы. Надеюсь, мои построения можно опровергнуть — стало быть, они вполне укладываются в критерий Поппера.

Читать лучше по порядку. Книга шаг за шагом открывает мир древних финно-угорских народов, населявших междуречье Оки и Волги, Верхневолжье и земли вплоть до Карелии. Последние четыре главы — справочные. Они не двигают гипотезу, но без них картина была бы неполной.

И ещё один момент об иллюстрациях. Большинство из них в этой книге созданы нейросетями. Я не питал особых надежд, когда запускал генерацию, — честно говоря, ожидал, что получится в лучшем случае терпимо. Результат меня удивил и картинки получились по-настоящему достойные. Да, иногда нейросеть врёт в мелких деталях, но такие дефекты редки. В целом я доволен, и, надеюсь, вам они тоже покажутся удачными. Прошу отнестись к мелким погрешностям с пониманием — это плата за то, что мы вообще имеем возможность смотреть иллюстрации, которых не могло быть ещё пару лет назад.

Я писал эту книгу потому, что мне самому было интересно, и в процессе работы сделал множество небольших открытий. Эта книга не для тех, кто ищет подтверждения привычным истинам, — надеюсь, она увлечёт и вас.

Вяйнёла на заре времён

*Старый, верный Вяйнямёйнен
Проводил покойно время
В чащах Вяйнёлы зелёных,
На полянах Калевалы.
«Калевала», Руна 3*

Начну свою историю с XVI века до нашей эры. Строительство великих пирамид Гизы к тому времени уже завершилось, еврейский народ всё ещё находился под властью фараонов и вынашивал планы Исхода, а в Средиземноморье достигла расцвета минойская цивилизация. Её жители возводили сложные дворцовые комплексы, напоминающие лабиринты, и почитали культ быка — тот самый, что позже ляжет в основу мифа о Минотавре.

Примерно в 1610 году до н. э. (точная дата неизвестна) произошло катастрофическое извержение вулкана Санторин. Событие кардинально изменило климат на обширных территориях: на целое столетие установилось длительное похолодание, вызвавшее неурожаи и волны миграций. Сильнее всего пострадала минойская цивилизация: извержение практически полностью уничтожило остров Тира вместе с расположенными на нём поселениями. Пепел покрыл соседние острова, а вызванное катаклизмом цунами стёрло с лица земли прибрежные населённые пункты.

Минойцы, искусные мореходы, создали обширную торговую сеть по всему Средиземноморью.

Извержение Санторина — одно из крупнейших природных событий древности, память о котором могла сохраниться в устной традиции народов Средиземноморья. Позднее в сочинениях Платона появляется легенда об Атлантиде; некоторые исследователи видят в ней отголоски древней катастрофы. Похожим образом отдельные авторы усматривают связь между извержением и библейским сюжетом о Тьме Египетской.

Катастрофа затронула и далёкий север. Выброшенный в стратосферу пепел на несколько лет снизил прозрачность атмосферы в Северном полушарии. Для сообществ, чья жизнь зависела от охоты, падение температур означало сокращение кормовой базы и, как следствие, необходимость искать новые охотничьи угодья. Это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что извержение спровоцировало массовую миграцию финно-угорских племён из-за Урала в междуречье Оки и Волги, что в конечном счёте привело к формированию археологической культуры сетчатой керамики.

*Он подумал, поразмыслил:
Как же быть и что же делать
На пространстве этом тёмном,
В неудобном, тёмном месте,*

*Где свет солнца не сияет,
Блеска месяца не видно.
«Калевала», Руна 1*

Можно допустить, что устная традиция сохранила отголоски памяти об извержении Санторина и вызванной им климатической аномалии в рунах «Калевалы» — например, в руне о рождении Вяйнямёйнена. Однако такая связь выглядит маловероятной. И всё же мысль о том, что эхо средиземноморской катастрофы могло найти отражение в рунах, будоражит воображение.

Финно-угорские племена, пришедшие к берегам Волги, вытеснили обитавших здесь прежде представителей фатьяновской археологической культуры — локального ответвления более обширной культуры боевых топоров. По мнению современных исследователей, эта экспансия сопровождалась столкновениями между племенами.

Распространение культуры сетчатой керамики

В эпоху, о которой идёт речь, лес был не просто пейзажем — он был стеной. Сплошные массивы тайги, перемежаемые болотами и буреломами, делали сухопутное передвижение на большие расстояния крайне медленным и опасным. Даже если там мог пройти охотник, для переселения целого рода с его скарбом, скотом и детьми лес становился почти непреодолимым

препятствием. В этих условиях река оказывалась единственной транспортной артерией, естественной дорогой, пробитой самой природой сквозь бескрайний лес.

Именно вдоль таких речных магистралей и происходило распространение племён. Волга и её многочисленные притоки служили естественными коридорами, по которым шло переселение финно-угорских групп на новые земли. Без учёта водного ландшафта невозможно понять ни логику расселения, ни направления древних столкновений, ни ту плотность памятников, которую мы наблюдаем вдоль волжских берегов.

Река работала как дорога круглый год, меняя лишь покрытие. Летом по воде шли лодки и плоты, вмещавшие и людей, и груз. Зимой замёрзшее русло превращалось в идеально ровный путь, по которому двигались на лыжах или волокли сани. Межсезонье — ледоход и ледостав — останавливало движение, но эти периоды были короткими и предсказуемыми. Других столь же надёжных и всесезонных маршрутов в лесной зоне попросту не существовало.

Лесная дорога

Река была не только трассой, но и компасом. Двигаясь по течению или против него, мигранты всегда понимали, где находятся и куда придут. Слияние рек служило естественным перекрёстком, местом, где можно было сделать стоянку, встретить других людей или повернуть в новом направлении. Не случайно именно в устьях малых рек, впадающих в крупные

артерии, археологи позже находят остатки городищ. Освоение пространства шло не веером во все стороны, а цепочкой вдоль русел — от устья к истоку, от магистральной реки к её притокам.

С севера и юга территория обитания финно-угров ограничивалась всё той же тайгой, но с разными лицами. На севере лежала глухая северная тайга — край мхов, заболоченных водоразделов и суровых зим, где даже привычный к холодам охотник не мог прокормить скот. Дальнейшее продвижение туда означало бы отказ от комплексного хозяйства и возврат к чисто присваивающей экономике — шаг назад, на который оседлые общины идти не хотели. На юге тайга постепенно редела, переходя в лесостепь, а та, в свою очередь, открывалась в бескрайнюю степь — стихию кочевых скотоводов, говоривших на иранских наречиях. Степь жила по иным законам: здесь господствовала конница, и редкие лесные городища не могли выстоять против мобильных отрядов. Таким образом, сама природа очертила для финно-угорских племён коридор — полосу южной тайги от Урала до Балтики, внутри которой реки служили дорогами, а лес давал защиту.

Среди всех речных артерий Волга занимала особое положение. Она была не просто самой полноводной и протяжённой — она служила осью, на которую нанизывалась вся система расселения. Её русло связывало далёкий север с южными степями, а через притоки — с Балтикой на западе и Приуральем на востоке. Для племён, двигавшихся вдоль этой артерии, Волга была одновременно и дорогой, и ориентиром, и кормилицей. Неудивительно, что многие городища культуры сетчатой керамики тяготеют к её бассейну: река стягивала к себе миграционные потоки как магнит.

Эта центральная роль, вероятно, отразилась и в языке. Происхождение самого названия Волги, по одной из версий, восходит к финно-угорским языкам. *Valgie* в буквальном переводе означает «Светлая река». Возможна и метафорическая трактовка — *valgiet šyndyzet*, «Река Светлых Предков». Тогда название приобретает сакральный смысл и подчёркивает исключительную важность этой водной артерии для финно-угорских племён.

Для удобства ареал распространения сетчатой керамики — область расселения финно-угорских племён — можно называть словом из «Калевалы»: Вяйнёла (*Väinölä*). Дословно это «земля, где живёт Вяйнямёйнен», главный герой эпоса, который в определённом смысле олицетворяет собой финно-угорские народы.

В I тысячелетии до н. э. в Вяйнёлу начинают проникать технологии раннего железного века. По мнению В. Я. Проппа, именно тогда зарождаются первые руны, которые впоследствии войдут в состав «Калевалы». С. И. Кочуркина в своих работах относил к числу наиболее архаичных рун эпоса девятую руну — «Рождение железа». В этих древних стихах запечатлена сама история перехода от камня и бронзы к более твёрдому и грозному металлу, изменившему судьбы народов.

Дяковское городище

В популярной литературе и научных работах финно-угорские племена обычно называют «лесными». Это определение верно лишь отчасти: оно указывает на природную зону, но не схватывает самой логики расселения и хозяйства. Лес для этих сообществ был средой обитания, источником зверя, дерева и защиты, но осью повседневной жизни служила река. Именно к ней, а не к лесу как таковому, было привязано всё: поселения, пути, обмен, промысел.

Поселения финно-угров всегда располагались у рек, вытягиваясь цепочками по притокам. Это были небольшие деревеньки, основу хозяйства которых составляли скотоводство, охота и рыболовство; земледелие из-за рискованных природных условий играло подсобную роль. Со временем эти поселения начали укреплять — рыли рвы и возводили стены, — так возникли финно-угорские городища раннего железного века.

Таким образом, определение «речные племена» — применительно к носителям культуры сетчатой керамики и их потомкам — оказывается гораздо точнее, чем привычное «лесные». Не лес, а река была тем стержнем, вокруг которого вращался весь уклад, и именно речная сеть сформировала карту будущей Вьяйнёлы.

К эпохе Средневековья на территории Вьяйнёлы уже сложилась целая семья финно-угорских племён. Благодаря летописям мы можем назвать их и для удобства соотнести с современными административными границами. Эсты — проживали на территории современной Эсто-

нии. Сумь — запад Финляндии. Емь — восток Финляндии. Весь — Вологодская область. Чудь — Псковская область. Мокша и эрзя — Мордовия. Мари — Республика Марий Эл. Меря — Ярославская область. Муром — Нижегородская область. Мещера — Владимирская область.

Отдельно стоит сказать о дьяковцах — носителях дьяковской археологической культуры, названной по первому обнаруженному городищу у села Дьяково неподалёку от Москвы. Эту культуру также именуют культурой москворецких городищ. И поскольку это племя будет очень важно в нашем дальнейшем повествовании, расскажем о нём подробнее в следующей главе.

В русских летописях слово «чудь» не всегда означало конкретное племя. Часто оно служило собирательным именем для любых финно-угров. Возможно, первыми, с кем славяне встретились, продвигаясь с запада, были именно обитатели берегов Чудского озера. Так название одного племени стало нарицательным для всех финно-угров.

Разделение финно-угорских племён по современным административным границам — весьма условно. Например, говоря, что меря проживали в Ярославской области, мы упрощаем картину. На самом деле это территория Ярославской, Ивановской, Владимирской, северной и восточной частей Московской и западной части Костромской областей. Но их племенной центр, Сарское городище, действительно был рядом с современным Ярославлем.

Провести чёткую границу между племенами невозможно: мордва плавно перетекала в мурому, мурома плавно становилась меря, а меря превращалась в весь. Поселения, находившиеся на границе племён, как правило, содержали в равной мере признаки обоих этносов.

Археологически мы видим чрезвычайно развитые межплеменные связи — как торговые, так и брачные. Найти на землях чуди украшения меря — обычное дело. В современной исторической науке даже появился устоявшийся термин «Северная конфедерация племён». Считается, что она предшествовала появлению первых княжеств.

Дьяковцы

*Ты вставай, земля, проснись, Недра божьи, не дремлите!
Из себя пустите стебли, Пусть поднимутся отростки!
Выйдет тысяча колосьев, Сотня веток разрастётся, Где вспахал я и
посеял, Где я много потрудился!
«Калевала», Руна 2*

Дьяковская археологическая культура находится в самом центре финно-угорских земель и займёт важное место в нашем дальнейшем повествовании. Поэтому стоит остановиться на ней подробнее — тем более что и школьная программа, и научно-популярные издания освещают эту тему лишь мельком.

Прежде всего обратим внимание на время существования этой культуры. Первые поселения датируются VII веком до нашей эры, а исход из городищ произошёл уже в V веке нашей эры. За двенадцать столетий, пока дьяковцы жили в лесах между Окой и Волгой, в Средиземноморье успели расцвести и пасть классические Афины и Спарта, возникла и распалась империя Александра Македонского, а Рим превратился из республики в империю и рухнул под ударами варваров.

Дьяковская культура не была статичной. Все это время она находилась в интенсивном культурном обмене с соседями и непрерывно развивалась. На раскопках городищ археологи находят артефакты самых разных народов — в том числе эллинистические и римские. Новые технологии и знания быстро приходили на земли дьяковцев и осваивались ими.

Проживание в умеренном климате, в зоне рискованного земледелия, сильно влияло на уклад. Основой выживания были охота, рыболовство и животноводство. Сельское хозяйство носило скорее подсобный характер. Суровые условия ограничивали размеры поселений: сейчас считается, что в одном городище жило от ста до двухсот человек. Расстояние между соседними городищами обычно составляло не менее пяти километров — иначе земля не прокормила бы.

Поселения располагались у устьев небольших лесных рек или ручьёв, на возвышенностях. Магистральная водная артерия, в которую впадал такой ручей, должна была быть проходима на лодке и соединяться с Волжским, Балтийским или Северодвинским бассейном. Сегодня найти место дьяковского городища довольно просто: плывя на лодке по рекам Центрального федерального округа, высматривайте церкви или дома олигархов. С большой вероятностью именно под колокольной находится древнее городище. Нетронутых памятников не осталось: те немногие, что не были затронуты хозяйственной деятельностью последующих веков, в 2000—2020-х годах серьезно пострадали от деятельности чёрных копателей.

Длинный дом дьяковцев

Архитектура домов дьяковцев постепенно менялась. Изначально это были длинные полуземлянки из нескольких комнат, где тёплые помещения с очагом чередовались с холодными сенями. По всей видимости, таким «длинным домом» пользовались сразу несколько семей — получалось нечто вроде современного таунхауса. Стены полуземлянки делали из плетня, обмазанного глиной. Полы посыпали речным песком и устилали половичками. Крыши, судя по археологическим данным, были двускатными, крытыми соломой или дранкой. Со временем простой очаг вытеснили глинобитные печи.

С распространением железного инструмента появились рубленые дома. Сначала это были всё те же длинные постройки, со стенами из вертикально вкопанных столбов. К началу I тысячелетия нашей эры конструкция эволюционировала в привычные нам четырёх- и пятистенные срубы. При этом более архаичные формы не исчезли: полуземлянки продолжали широко использовать в хозяйственных целях.

Первоначально городища не имели защитных сооружений, но постепенно вокруг них начали строиться рвы и валы. Сначала это была простая дренажная канава, затем её углубили, а из вынутой земли насыпали невысокий вал. К концу существования дьяковской культуры оборонительные сооружения порой приобретали весьма внушительный характер: небольшую деревню могли окружать три линии стен, валов и рвов.

Южные городища, близкие к степи, действительно содержат находки, свидетельствующие о столкновениях с кочевниками — например, наконечники стрел, характерные для степняков. Однако, судя по тому, что поселения существовали веками, укрепления успешно выполняли свою задачу. Мне неизвестны следы кошмарных побоищ вроде Старой Рязани. Можно предположить, что основную опасность представляли небольшие сезонные рейды охотников за головами. Более поздняя летописная традиция отмечает, что набеги степняков на Русь обычно совершались зимой: замёрзшие реки становились удобными дорогами, позволявшими быстро

продвигаться вглубь страны. Летом же леса превращались в непреодолимую стену, надёжно отгораживавшую городища от степи.

В финно-угорских языках сохранилось название таких укреплённых поселений — линна. Искажённые формы этого слова дожили до наших дней в топонимике: Таллин («датское городище»), Хямеэнлинна («городище племени емь»), Тиуринлинна («городище у водопада»).

Хозяйственная деятельность не ограничивалась стенами городища. Само городище служило чем-то вроде центральной усадьбы или цитадели, вокруг которой на площади около ста гектаров располагался хозяйственный комплекс, вытянутый вдоль реки. Лес рядом с деревней почти полностью вырубался, оставались лишь отдельные деревья, а вокруг простирались расчищенные поля и пастбища. Археологи находят летние домики для отдельного проживания на значительном удалении от основного поселения.

Основой хозяйства было животноводство, прежде всего лошади и свиньи. Держали также коров и овец. В целом картина напоминает современное мелкое хозяйство центральной России: на семью приходилось по паре коров, десятку овец, две-три свиньи. Большое количество свиных костей объясняется тем, что свиней забивали каждые два года, тогда как коровы и овцы жили много лет.

Карельская лесная лошадь

Лошадь, судя по археологии, была главным домашним животным. Их разводили на мясо и использовали как верховых. Сегодня лошадей на мясо не разводят из-за высокой антропогенной нагрузки: по сравнению со свиньёй и даже коровой лошади требуется значительно большая площадь выпаса. Зато при наличии обширных пастбищ они способны кормиться круглый год, тебедуя траву из-под снега. По описанию археологов, дьяковские лошади очень напоминают карельскую лесную лошадь: невысокие (до 140 см в холке), с крупной головой, широкой грудью и густой шерстью. Скорее это даже не лошадь, а пони. Карельские лошади крайне неприхотливы, спокойны и умны — идеальная порода для лесной зоны с рискованным земледелием. С 1980-х годов порода считается исчезнувшей, но сейчас предпринимаются попытки ее восстановления.

Роль охоты была весьма заметна, особенно на ранних этапах, но со временем уменьшалась. Основным промысловым зверем являлся бобр. Важно отметить, что бобров легко истребить полностью, однако на протяжении всего существования дьяковских поселений их численность не падала. Это значит, что охотники — вольно или невольно — заботились о сохранении популяции. Поскольку охота в ближайших угодьях не могла давать столько добычи, логично предположить существование традиции дальних охотничьих рейдов. Главной их целью, как видно из раскопок, была пушнина, хотя брали также лося и медведя.

Значительную роль играло рыболовство. Ловили в основном щуку, режу судака, леща, голавля и сома. Рыболовный инвентарь разнообразен, но преобладали сети, удочки и верши из прутьев.

Грузик дьякова типа

Несмотря на рискованный характер земледелия, в городищах часто находят серпы и зернотерки. Сейчас учёные сходятся на том, что земледелие носило подсобный характер. Сеяли ячмень, пшеницу, просо, лён. Со временем просо постепенно вытеснялось новыми сортами пшеницы.

Хозяйственная система дьяковцев оказалась на удивление устойчивой. Разные источники пищи взаимно дополняли друг друга: в неурожайные годы можно было переключиться на охоту, рыболовство или собирательство, а удачные сельскохозяйственные сезоны позволяли снизить антропогенную нагрузку и дать природе восстановиться.

Многие века учёные не фиксируют резких колебаний численности населения. На территории современного Подмосковья проживало тогда около двадцати тысяч человек. Для сравнения: сейчас здесь живёт почти двадцать миллионов, то есть на одного дьяковца приходится тысяча современников. В начале I тысячелетия нашей эры дьяковцы начинают демонстрировать устойчивый рост населения, что выразилось в освоении новых территорий и строительстве городищ на ранее не использовавшихся реках.

Умбоновидная подвеска

В современном понимании дьяковцев нельзя назвать богатым народом. В их городищах нет золотых гробниц фараонов, сокровищниц индийских раджей или кладов римских монет. Однако от века к веку хорошо прослеживается последовательное улучшение условий жизни. Каменные и костяные орудия под конец были полностью вытеснены бронзовыми и железными. В городищах отсутствуют следы социального неравенства — уровень жизни у всех был примерно одинаков.

С начала I тысячелетия нашей эры практически в любом городище можно найти следы кузниц, литейных мастерских и самой разнообразной ремесленной деятельности. Визитной карточкой дьяковцев стали так называемые грузики дьяковского типа, которые, скорее всего, использовались как детали вертикальных ткацких станков. В материалах раскопок представлена широкая номенклатура железных инструментов, в изобилии встречаются бронзовые украшения, бусы всевозможных видов.

Шумящая подвеска

Множество самобытных украшений и оберегов — отличительная черта дьяковской культуры. Самыми узнаваемыми, на мой взгляд, являются шумящие подвески. Изначально это были бронзовые треугольники из спиралек, на которые привешивали колокольчики или «утиные лапки»; позже, в начале I тысячелетия нашей эры, появились более совершенные формы — уточки и кони. Другим характерным украшением стали бронзовые умбоновидные подвески и нашивки-бантики из мелкой зерни. Бантики и зернь со временем вышли из моды, и я не припомню похожих узоров в более поздние эпохи. Зато умбоновидные подвески и спиральки стали узнаваемыми деталями народного костюма многих финно-угорских племен.

Судя по многочисленным формочкам и льячкам, значительная часть украшений отливалась из олова. Однако оловянные изделия не дошли до нас — так же, как ткани и деревянные поделки, они истлели со временем. Яркий пример того, что мы потеряли, — глиняные основы кукол. Это были композитные изделия: лицо отливалось из олова, тело лепилось из глины и наверняка их одевали в костюмы из кусочков ткани.

Сетчатая керамика

Ещё одной визитной карточкой дьяковцев является сетчатая керамика. В научном сообществе сейчас в основном придерживаются гипотезы О. А. Лопатиной, согласно которой характерный рисунок получали, прокатывая по поверхности сосуда сосновую шишку. Помимо сеточки на керамику наносили простые геометрические узоры из точек и штрихов. Как ни странно, дьяковские мотивы дожили до наших дней. Рекомендую обратить внимание на продукцию Лихославльского керамического завода, который использует карельские традиции в оформлении. Это не точная копия дьяковской стилистики, но местами очень похоже.

Керамика из Лихославля

Согласно устоявшимся стереотипам, дьяковцы были диким лесным племенем, не достойным упоминания. Действительно, у них не было мегаполисов, мраморных дворцов и огромных пирамид — хотя объёмы земляных работ на городищах были, мягко говоря, немаленькими. Но если присмотреться внимательнее, обнаруживается, что дьяковцы обладали развитой культурой, ориентированной прежде всего на гармоничное взаимодействие с природой в жёстких климатических условиях. Это непривычно для историков, которые привыкли судить по примерам техногенных цивилизаций Средиземноморья, и требует новых методик исследования, поскольку стандартные здесь не вполне подходят.

Дьяковцы оставили после себя очень разнообразную материальную культуру, что косвенно свидетельствует о богатой и многогранной жизни народа. Они были прекрасно приспособлены к существованию в зоне рискованного земледелия, эффективно использовали природные ресурсы и даже вывели собственные породы скота. Они двигались в ногу со временем, своевременно осваивая и применяя новые технологии.

Воскрешение Лемминкяйнена

Лемминкяйнена старушка

Грабли с зубьями хватает, Загребает, ищет сына

В многошумном водопаде, Средь бурливого потока

Калевала, Руна 15

Строфа, где мать Лемминкяйнена граблями ищет части тела погибшего сына в водах реки Туонелы, — не просто поэтический образ. Вероятно, перед нами мифологизированное отражение древнего погребального обычая. Действия матери, собирающей останки, перекликаются с практиками карельского культа предков и идеей духовного воскрешения. Эта эпическая сцена может быть мостом между поэтическим вымыслом и реальными религиозными практиками далёкого прошлого.

Погребальный обряд — важный источник сведений о мировоззрении древних народов: изучая захоронения, археологи реконструируют не только бытовые детали, но и представления о смерти и загробной жизни, а изменения погребальных традиций финно-угорских племён позволяют проследить ключевые этапы их культурного развития. Основа этих знаний — археология, именно она добывает артефакты, способные многое нам показать. Но вещи молчат: они рассказывают «что», а не «почему». Чтобы услышать живые голоса, мы обращаемся к этнографии — и здесь бесценным источником становятся карельские обряды, записанные столетия спустя; они позволяют увидеть за немymi находками живых людей и реальные практики.

До распространения христианства у финно-угров преобладал обряд трупосожжения на стороне — тело сжигали не на месте захоронения, а в другом месте, после чего часть праха переносили к месту погребения. Археологи отмечают несколько характерных черт этой традиции.

Во-первых, до сих пор не обнаружены места погребальных костров; одно из возможных объяснений заключается в том, что их устраивали на воде — например, на плоту или лодке. Во-вторых, на место захоронения обычно переносили лишь часть останков, что, вероятно, отражало веру в символическую связь с предками даже при неполном присутствии праха. В-третьих, металлические предметы из погребений нередко имеют следы резкого охлаждения водой — деталь, которая может косвенно подтверждать сожжение над водой. В-четвёртых, состояние костных останков говорит о том, что кремация не была единичной: умерших накапливали в течение некоторого времени, а затем сжигали всех вместе — это был массовый обряд, а не индивидуальное погребение.

Вряд ли охлаждение водой было случайностью — дождём или лужей, — потому что эти следы повторяются систематически. Это хорошо дополняет общую картину: согласуется и с отсутствием погребальных костров на суше, и с этнографическими свидетельствами карел, которые ещё сравнительно недавно сжигали вещи покойного на плоту. Вероятно, это поздний отголосок более древнего обряда, когда на плоту сжигали само тело.

Обряд кремации над водой

Археологи говорят, что после кремации в погребальный «домик мёртвых» помещали не полный объём костных останков, а лишь горсть — иногда буквально несколько фрагментов. Видимо, для присутствия духа не требовалась физическая полнота скелета; частица обладала свойством целого. Это была своего рода «точка сборки» — минимальный необходимый элемент, позволявший предку обрести дом в загробном мире и оставаться среди живых в форме родового покровителя.

Теперь вчитаемся в пятнадцатую руну «Калевалы». Лемминкяйнен убит, его тело рассечено и сброшено в реку Туонелы. Мать, узнав о гибели сына, берёт медные грабли и отправляется к водопаду — туда, где бурный поток дробит и размётывает останки. Она не хоронит сына, она его воскрешает, но для этого ей нужны части — те самые фрагменты, которые она, стоя в воде, терпеливо вылавливает и складывает воедино. Без этого ритуального собирания магия возвращения к жизни бессильна. Перед нами не просто трагическая сцена, а почти методическое описание обряда: тело отдано воде (или огню на воде, если вспомнить гипотезу о сожжении на плоту), затем фрагменты изымаются из стихии и обретают новое, уже преображённое существование.

В свете археологических данных этот мифологический эпизод перестаёт быть исключительно плодом поэтической фантазии. За образом матери с граблями угадывается фигура

жрицы или старшей женщины рода, в чьи обязанности входило собрать после кремации ту самую горсть праха. Если сожжение действительно происходило над водой — на плоту или лодке, — то часть обгоревших костей неизбежно падала в воду, и их требовалось выловить. Железный инструмент, прообраз эпических граблей, мог быть реальным предметом погребального инвентаря. Тогда сцена из «Калевалы» оказывается не просто эмоциональным рассказом о материнской любви, а древнейшим, облечённым в руну свидетельством о сложном и драматичном обряде, в котором предок возрождался из огня, воды, праха и песен.

Другой отличительной чертой погребальной традиции финно-угорских народов были так называемые домики мёртвых — ритуальные сооружения, связанные с культом предков. Прах после кремации помещали в такие постройки, обычно используя берестяные короба. Археологические находки и этнографические свидетельства подтверждают существование этой практики.

Современные карельские домики мертвых

Исследователи выделяют несколько типов домиков мёртвых, которые могли сосуществовать в пределах одного погребального комплекса. Наиболее распространённый вариант напоминал семейную усыпальницу: короба с прахом размещали внутри небольшой постройки, которая могла быть выполнена в виде полуземлянки или, наоборот, приподнята над землёй.

Некоторые учёные предполагают, что именно этот обычай лёг в основу сказочного образа избушки на курьих ножках, которая в фольклоре часто связана с потусторонним миром.

Другой тип погребального сооружения представлял собой короб с прахом, размещённый на поверхности земли. Логично предположить, что его чем-то накрывали, чтобы защитить от животных. В качестве покрытия могли использовать лодку или небольшой деревянный домик. Подобные практики известны по этнографическим описаниям карельских обычаев, что позволяет соотнести археологические находки с живыми традициями.

Символическое поселение мертвых

Третий вариант погребальной конструкции напоминал огороженную частоколом клумбу, куда постепенно помещали прах после кремаций. Со временем деревянные стены разрушались, а на месте погребения формировался небольшой курган. Подобную традицию упоминал в X веке арабский путешественник Ибн Фадлан, описывая похороны знатного руса:

И вот, действительно, не прошло и часа, как превратился корабль, и дрова, и девушка, и господин в золу, потом в мельчайший пепел. Потом они построили на месте этого корабля, который они вытащили из реки, нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяшку

хаданга (белого тополя), написали на ней имя этого мужа и имя царя русов и удалились. Ибн Фадлан. О путешествии на Волгу

Опираясь на свидетельства археологов и путевые заметки Ибн-Фадлана, можно предположить, что данное сооружение является развитием идеи «домика мёртвых», но уже в форме городища — то есть символического загробного поселения, в котором, по верованиям, продолжают жить предки.

Не позднее V века в погребальный обряд входит новый элемент — лодка. Это может быть связано с развитием культа ладьи, который археологически фиксируется уже в IV веке. Сожжение в лодке упоминается в письменных источниках (в том числе у Ибн Фадлана) и подтверждается находками обожжённых металлических деталей лодок в погребальных комплексах.

Примерно с IX века, после принятия христианства, обряд трупосожжения постепенно сменяется трупоположением — покойников начинают хоронить без сожжения. При этом погребальная традиция сохраняет ряд характерных черт. Например, сохраняется меридиональная ориентация могил (на север или северо-восток), в то время как в христианской традиции принято ориентировать захоронения на восток. Не отказываются и от самого принципа «домика мёртвых» — теперь могилы оформляют в виде небольших срубов с оконцами, продолжая ту же идею жилища для предков. Всё это указывает на устойчивость древних обычаев даже после смены религиозной системы.

Лодка на могиле

Погребальная ладья не исчезает из обряда, но меняет свою функцию: её перестают сжигать вместе с покойником, а используют для накрытия могилы, превращая в символическое средство перехода в иной мир. Этнографы XIX — начала XX века застали у карел живую традицию — покойника несли на кладбище в лодке, а после похорон переворачивали её и оставляли на могиле.

Под влиянием христианства многие ритуальные конструкции постепенно упрощаются, но не исчезают бесследно — они меняют масштаб и материал, сохраняя при этом свою внутреннюю форму. Так появляются голбцы — небольшие надмогильные сооружения, которые и сегодня можно встретить на старинных кладбищах Русского Севера.

Голбец — это маленький домик над могилой. В высоту он едва достигает до пояса взрослому человеку. У него двускатная крыша, крохотное окошко или ниша — иногда туда кладут поминальное приношение — и резной конёк, венчающий кровлю. Голбец — это не просто памятник в нашем современном понимании. Это последний дом, уменьшённая копия тех самых «домиков мёртвых», которые за полторы тысячи лет до того стояли над берестяными коробами с прахом.

Настоящую лодку заменила её деревянная или железная копия, помещаемая на конёк голбца. Часто ей придавали очертания птицы, уточки с длинной шеей — так в одном символе слились два древних образа: ладья, переправляющая душу через водную преграду, и птица, воплощение отлетающей души в финно-угорской традиции.

Голбец

Так один маленький резной силуэт на старом сельском кладбище вмещает в себя всю цепочку превращений, прослеженную нами в этой главе: от погребального костра над водой через домик мёртвых и культ лады — к христианскому погосту, где по-прежнему живут древние символы. Голбец с лодкой-птичкой на гребне крыши и есть тот самый мост между археологией и живой традицией, между эпосом и реальностью.

Эпизод из «Калевалы» о воскрешении Лемминкяйнена, с которого мы начали, оказывается не просто поэтическим вымыслом, а отражением реальных обычаев и представлений далёкого прошлого. Он служит своеобразным мостом между мифологией и историей, позволяя увидеть, как древние ритуалы обретали форму в эпических сказаниях.

Скифы и амазонки на страницах «Калевалы»

*Сто мужей на крылья сели, Тысяча на хвост уселась, Села
сотня меченосцев, Тысяча стрелков отважных. Распустила Лоухи крылья,
Поднялась орлом на воздух. «Калевала», Руна 43*

Скифы — собирательное имя для группы кочевых и полукочевых племён, населявших причерноморские и прикаспийские степи с VIII века до н. э. по V век н. э. Греки, активно торговавшие со скифами через черноморские колонии, оставили самые подробные их описания. Позднее в этот же круг вошли сменившие скифов сарматы, а также савроматы, саки, массагеты и другие родственные народы. Это был не единый народ, а скорее обширный мир со схожими языком, бытом и искусством — мир, который греки обобщённо называли Скифией.

Скифы на вазе из кургана Куль-Оба

Скифы поддерживали широкие культурные и торговые связи с оседлыми племенами, в том числе с волжскими финно-уграми. Уже в V веке до н. э. Геродот, описывая торговые маршруты, упоминает народы фиссагетов и иирков, живших к северу от степей. Академик Б.

А. Рыбаков в монографии «Геродотова Скифия» убедительно доказывал, что фиссагеты — предки мордвы, а иирки — носители дьяковской археологической культуры, то есть финно-угры. Вот как Геродот описывает быт иирков:

В тех же краях по соседству с фиссагетами обитают люди по имени иирки. Они также промышляют охотой и ловят зверя следующим образом. Охотники подстерегают добычу на деревьях (ведь по всей их стране густые леса). У каждого охотника наготове конь, приученный лежать на брюхе, чтобы меньше бросаться в глаза, и собака. Заметив зверя, охотник с дерева стреляет из лука, а затем вскакивает на коня и бросается в погоню, собака же бежит за ним.

«История», Книга IV «Мельпомена»

Археология подтверждает эти контакты. На дьяковских городищах находят тамги — родовые знаки кочевников, а также византийские и римские монеты. Показательно сходство в женских украшениях. У дьяковцев, конечно, не найдёшь богатых золотых убранных из скифских царских курганов. Но рядовые украшения порой оказываются до удивления похожими. Речь в первую очередь о шумящих подвесках, а ещё — о гребнях, узор которых явно перекликается со скифским звериным стилем. Исследователи обращали внимание на этот след — он говорит о многовековом культурном обмене между лесными племенами и степью.

Скифские серьги из Рыжановского кургана

Одной из ярких особенностей скифского мира было высокое положение женщин. Помимо легендарной царицы Томирис, известны и другие правительницы — Амага, Зарина. Для античного мира, где женщина редко оказывалась у власти, это выглядело необычным и породило у греков миф об амазонках. Геродот прямо утверждал, что сарматы — потомки скифов и амазонок. Сегодня археологи действительно находят курганы с погребениями женщин-воительниц, что придаёт мифу реальную основу.

Выразительным примером стало погребение в кургане на Дону, где обнаружили захоронение четырёх скифских женщин, чей погребальный инвентарь напрямую подтверждает реальность «амазонок» — воительниц, описанных в греческих мифах. У одной из погребённых (женщина 20—25 лет, которую условно назвали «охранницей») найдены два копья, причём одно — бронебойное, предназначенное для пробивания доспехов. У пожилой женщины (45—50 лет) помимо богатого золотого головного убора-калафа обнаружили маленький нож и одну стрелу. В разграбленной части кургана сохранилось множество железных наконечников стрел, остатки конского снаряжения и бронзовый котёл.

Для греков, привыкших к совсем иному положению женщины в собственном обществе, зрелище вооружённых всадниц было потрясением — и именно из этого, вероятно, и родился миф об амазонках. Но самое интересное для нас заключается в другом: степные

женщины-воины существовали именно в том мире, с которым волжские финно-угры веками поддерживали контакты. И если уж греческий миф сумел пережить тысячелетия, то можно предположить, что и в эпосе финно-угорских народов мог сохраниться образ женщины-правительницы, чья власть не уступает мужской.

Каменные бабы

С почитанием предков у степных народов были связаны каменные изваяния, которые устанавливали на курганах. В исторической и художественной литературе их называют «каменными бабами». Эта деталь находит свою параллель в «Калевале».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.